

Андрей
Средаренко

ПЕЛЯ

Рассказ

Давно, лет двадцать тому назад, со мною приключилась история, которую долгое время даже вспоминать было стыдно.

Стояла середина лета. Я только что сдал сессию за первый курс института и через несколько дней должен был ехать в стройотряд, в Крым, а пока сидел в своей деревне и от скуки не находил себе места. То читал, то включал среди бела дня телевизор, то просто протирал лавочку у калитки, покуривая. И, ей-богу, не потому, что в Минске заделался таким уж лодырем. С первого же дня я предпринимал попытки подступиться к чему-либо: переделать забор, подновить полуразрушенный курятник. Но все оказалось таким заброшенным, трухлявым, что стало ясно: тронь одно – повалится другое. Тут требовалось капитальное обновление: новые столбы, жерди, доски, нужно было время – месяц, а то и до конца лета, иначе не стоило и начинать.

Меня тянуло в Крым, где я к своим двадцати годам еще ни разу не был, – к пальмам, кипарисам, к морю, на могилу Максима Богдановича, чтобы «и моя тень легла на эти святые камни»... А что здесь? Будто я не видел этой картофельной ботвы, этого леса, что подступил к самому огороду, к самой хате. Да там мне, казалось, было знакомо каждое деревцо.

И лишь когда наступил долгожданный день (ночной симферопольский поезд останавливался на минуту-другую на полустанке самой деревни), мне сделалось как-то тоскливо, ностальгично как-то; другими глазами я осматривал двор, грядки, курятник, до которого так и не дошли руки, – смотрел и жалел все тут, как живое... Я вот уеду, много всякого разного увижу, а это все так и останется здесь. Мне захотелось продлить свое умиленно-тоскливое настроение, пройтись по лесу, по знакомым местам, а если удастся, то и половить на болотце карасей.

Матери дома не было – пошла по ягоды, но я решил не оставлять никакой записки. Зачем? Часам к десяти вечера вернусь, хватит времени собраться, еще и почитаю, а потом, в поезде, буду отсыпаться. Натянул старые армейские брюки, гимнастерку, копанул по быстрому червей, сунул в карман смотанную удочку и пошел любимым своим маршрутом – на Ткачево болото, что километрах в четырех от деревни.

Было около шести, пригревало мягкое солнце, легко и приятно шагалось по лесной тропке; я поймал, наконец, свой ритм: время больше не летело вскачь, не плелось до раздражения медленно, а текло как-то в лад моему шагу. Запахи лесной подстилки, черничника настолько естественно вязались с птичьим щебетом, с неярким солнцем, с шорохом кедров на тропинке, что и в мысли приходила долгожданная и редкая гармония: вот я есть, я живу, всё у меня отлично, я учусь в институте, а значит, на несколько лет, а то и навсегда определена моя «жизненная линия»; я пройду по знакомому чудесному лесу, порыбачу, а потом поезд понесет меня к удивительным берегам, о которых столько наслышался и начитался.

Незаметно дошел до поваленной старой березы, от которой нужно было сворачивать на болото, но нигде не обнаружил ни дорожки, ни тропки, ни следа. Я слышал, что болото пересохло, но чтобы даже дороги позарастали... Всюду был самый обыкновенный лес – с ягодником, с высокими кустами голубики. Не без страха – помню, сколько здесь водилось гадюк, – стал продираться сквозь кусты и скоро наткнулся на полянку, где мы когда-то, пацанами, приходя на рыбалку, жгли костер и пекли картошку. Узнали не глаза, а ноги – они сами остановились. Вот здесь когда-то был берег, от этой ольхи начиналась вода, и мы забрасывали отсюда удочки... Теперь только высохший сплошной мох под ногами давал знать, что я не сбился с пути, что когда-то здесь и впрямь было болотное дно. Я пошел по этому мху дальше, березки попадались всё реже, всё больше встречалось сухостоя, трава густела. Шел, пока не увидел овальную, диаметром примерно в километр низину, всю в кочках, поросшую осокой и кое-где кривыми низенькими деревцами. От огромного когда-то болота осталась, как у нас называют, пеля. Со всех сторон наступал на эту пелю лес, занимал ее территорию, и было видно – еще несколько лет, и болоту конец...

Я выломал в молодом ольшанике два хлыста поровнее: один на удилище, другой в качестве посоха, и по кочкам, подминая ногами осоку, минут за пятнадцать добрался до воды. В самом центре пели была впадина – миниатюрное, но, видно, очень глубокое озерцо, берега которого обозначались всё теми же кочками. Но стоило мне остановиться, чуть-чуть потоптаться на месте, как этот обманчивый берег зачавкал, стал зыбким, осел, и ноги по щиколотку оказались в холоднющей воде. Хорошо, что в нескольких метрах, у самой воды, росла карликовая, кривая, но довольно толстая в стволе ольха с островком около корней. Перебравшись к ней, я этот островок утоптал, повесил на нижнюю ветку садок для рыбы так, чтобы он наполовину был притоплен в воде, привязал к своему удилищу леску – и готово дело.

Вода, даже не темная, а черная, как нефть, ближе к берегу была сплошь затянута ряской и лягушечьей икрой, а к центру – с просветами. Я нацепил червя и забросил, но неудачно, в самую ряску, к тому же грузило, видимо, было тяжелое – потянуло за собою и перышко-поплавок. Ну-ка, что там? Стал подтаскивать, но тут удочку так рвануло, что я чуть не загремел в воду сам, благо успел схватиться за ольху. Сорвалось! И не какая-нибудь малявка...

Поправляя червя, я дрожащим голосом бормотал: – Вот тебе и грузило! Это же никакое, оказывается, и не грузило...

На этот раз я забросил через голову, подальше, насколько позволяло мое несовершенное удилище, в просвет среди ряски. Перо едва легло на воду, тут же и ушло в глубину. Я выждал, подсек, и поверх воды – где тут было поднять

в воздух? – подтащил к островку что-то черное и такое большое, что в пору было оробеть. Это был болотный карась, какая-то помесь с линем, – у них черная мелкая чешуя, сами длинные, толстые, с маленькими черными глазками. Правда, у нас их едят только вялеными: они пахнут болотом и запах этот не выжаривается и не вываривается. Таких я ловил и раньше, и много, но великана, как этот, – впервые.

Я понял, что нарвался на «неруш», как говорят грибники, – на место, где может быть, несколько лет никто не рыбачил. Караси почти не сопротивлялись. Вскоре мне наскучило механически таскать их одного за другим, и я начал дурачиться – специально медлил с подсечкой или несолидно, как человек, ни разу не державший удочки в руках, дергал, когда поплавок еще не успевал лечь на воду... Клев был безотказным, и ни одного схода. Между тем солнце уже село, начали свой лет комары и, главное, за легким туманом скрылась не такая уж и далекая опушка леса. Но было еще совсем светло.

После каждого заброса я говорил себе: ну, еще один и на этом всё! Где там! Поймав этого одного, думал: а-а, сколько там ходу, а такой клев в жизни не часто выпадает.

И вот этот азарт, делающий человека глухим ко всему, едва не погубил меня. Разумеется, я слышал и комаров, и чмокание рыбы в садке, и кваканье лягушек, и другие звуки вечернего болота, но попросту не придавал им значения, позволил себе расслабиться. А между тем у меня за спиной уже несколько минут слышался какой-то не болотный, человеческий, что ли, звук: словно кто-то набирал в рот воздуха и с шипением выпускал его сквозь сжатые зубы.

Обернулся. С соседней кочки на мой островок переползала черная метровая веревка – хорошо помню, что без всяких желтых ушек. – Т-с-с-с!

Нас разделяли полметра.

Как не поверить, что присуща этим гадам какая-то гипнотическая сила! Я был просто в какой-то мере парализован, ибо стоял и не мог пошевелиться, но потом сделал самое нелепое, что может сделать человек один на один с гадюкой, – я топнул ногой.

Должно быть, просто не пробил еще тот мой час. И без того ненадежный край островка, на мое счастье, вдруг, в единый миг отломился вовсе, и я на взничь рухнул в черную холодную прорву. Дна под ногами и в помине не было. Одновременно и руками, и спиной, и щеками я ощутил густое липкое месиво. Омерзение плюс холодная вода помогли мне сбросить гипноз. Хватаясь за траву, за податливый, как глина, берег, нащупал наконец толстый корень и сравнительно легко вскарабкался на свою корягу. Да, это уже был не островок, а всего-навсего коряга. Позади булькала, дыша болотным смрадом, растревоженная пеля, меня облепили тина, какие-то корешки, комки грязи, порезанные пальцы сочились кровью, но то, что я только сейчас увидел, заставило меня забыть и об этом, и даже о гадюке, которая, может быть, где-то рядом готовилась к нападению.

Туман – густой, белый – властно надвинулся на болото и скрыл от глаз не только опушку леса, но и ближайшие кусты. Лишь метрах в трех что-то еще можно было рассмотреть. Я схватил садок с уловом – килограммов восемь – и, подогреваемый злостью, решительно ступил на свой старый след. Дальнейшее произошло так быстро, что я не успел ни испугаться, ни что-либо предпринять: ухнул сразу по грудь. Под руками заходила уже знакомая мягкая каша. «А зори

здесь тихие... Спокойно, теперь надо не утонуть!..» Мало-помалу мне удалось вытащить мой посох, который торчком вошел в трясину почти на всю длину, и хотя, пока вытаскивал, немного погрузился сам, я как-то сумел положить его плашмя. Кажется, лег на кочки. Подтягиваясь рывками, спиной вперед, вызволился до пояса, потом рванулся изо всех сил и обеими руками вцепился в свою ольху. Выполз.

«Как же я прошел? Я же именно здесь пробирался! Спокойно, теперь главное – не спешить!»

Мало-мальски привел себя в порядок, смыл ржавой водой грязь и до боли в глазах стал осматриваться. В той стороне, откуда я пришел и где только что пытал счастья, чернела грязью разверстая яма, и в этой грязи лениво плюхались мои караси. Они-то в своей стихии. Ну, ничего, податься, слава Богу, есть куда – на все три стороны.

На этот раз я пустился в путь с предосторожностями, ощупывая кочки, тыча впереди себя посохом. Внезапно, когда было пройдено метра три, кочки исчезли и открылась ровная, заросшая зеленой травкой дорога. Посох легко пробил эту дорогу и ушел вглубь.

Вот это было уже серьезно.

Я мысленно нарисовал себе план западни, в которую угодил, и на лбу выступил холодный пот. Я стоял в самом центре пели. Вокруг, где открытая, где затянута поверху мхом, лежала трясина. Она огибала озерцо подковой с узеньким просветом между краями. По дороге сюда я каким-то чудом набрел на этот просвет, а теперь яма, из которой только что выбрался, соединила концы подковы.

Возможно, были и еще проходы, возможно, было где-нибудь узкое место, чтобы перепрыгнуть или даже перешагнуть, – но если бы всё это днем! А сейчас, когда не видишь дальше протянутой руки?..

Гадюку еще можно было отнести за счет случайности. Но когда всё вместе, одно к одному – это уже нечто большее, недооцененное: как будто кому не хочется меня отсюда выпускать...

Уже не было видно ни воды, ничего. Я сидел под ольхой, на насесте-коряге, искусанный комарьем, отупевший. Мне казалось, что та самая гадюка, подкравшись сзади, прокусила мне спину и высасывает кровь. Я встал – если там гадюка, почувствую ее тяжесть. Нет, не похоже. Ощупал спину рукой: жирная пиявка, свернувшаяся шариком, теплая, ребристая... С ноги снял еще двух.

Съездил в Крым, прошелся по лесу, половил рыбки! Далеко уже мой поезд...

Случись всё это не здесь, да хотя бы вблизи соседней деревни – была бы досада, было бы отчаянье, но уж никак не ощущение какой-то трагедии. Эти места я знал с малых лет, любил их и всегда думал, что и они меня любят, почитают своим. Не было тут тропки, по которой я не ходил бы; рядом с этими пелями зимой и летом мы рубили дрова, гоняли сюда стадо. И никогда я не слышал ни о каких страшных историях, которые были бы связаны с этим болотом...

Стояла ночь.

Время от времени я срывался с места, хватал посох, тыкал им то в одну сторону, то в другую... Посох нигде не встречал сопротивления. Мне казалось, что я весь распух от комариных укусов; от их звона, от густых болотных запахов, от ощущения пиявок на теле и от игры нервов кружилась голова. Чужим, каким-то сильным голосом я заговорил, обращаясь к болоту:

– Ты хочешь, чтоб я тут подох... Как бы не так, я выживу, мне даже смешно!.. И не переменяю за эту ночь, никак она на мне не отразится... Всё это будет стоить матери здоровья, у меня пойдёт прахом лето – вот и всё, чего ты добьешься. Но зато я плюю на тебя, смрадная лужа, гадючий питомник! Мало вас поосушили! У меня ещё всё впереди, я увижу новые города, новую жизнь – я буду жить, а ты – задыхаться тут в собственном смраде, зарастать, пока к черту не высохнешь!..

В ответ мне только звенело, чавкало, булькало, и колыхался такой густой туман что его было видно даже в сплошной тьме.

Утро наступило на удивление быстро. Уже к середине ночи, без солнца, начало светать, поубавилось комарья, защebetала какая-то птаха. Немного погодя я уже мог различить воду, свои ноги, кусты. Посреди пели плавала моя удочка, от которой расходились мелкие волны, – видно, на крючке сидел карась... На онемевших ногах вдоль самого краешка ямы, едва не ставшей вчера моею могилой, я выбрался на свой вчерашний след и вскоре был уже на сухом берегу. На пелю мне не хотелось даже оглядываться...

Сейчас, спустя столько лет, уже не так стыдно вспоминать, как возле самой своей хаты умудрился заблудиться и едва остался в живых. И не смешно. Пожил я за эти годы новой жизнью, повидал новые города, даже в Крым съездил. А вспоминаются почему-то не прокуренные сквозняки общежитий, не однообразные – на всю ночь – безрадостные пьянки, не скитания по чужим квартирам, когда вынужден был таиться от хозяев, что приехал из-под Чернобыля... Вспоминается пеля.

Кто-нибудь скажет: ну и что, больно нам интересна твоя ностальгия по каким-то болотам!

А я скажу: тем летом отряд наш был расформирован, потому что на второй день по приезде, в Крыму, автобус, подвозивший студентов на работу, врезался в скалу. Один человек погиб, двое остались калеками. Мог я оказаться среди них? И если это случайность, то что же такое тогда судьба?

Родина моя – деревня, болото... Оказывается, ты любила меня и любишь. Разве не любовь стоит за тем, что ты всё чаще и чаще приходишь в мои мысли, воспоминания, сны и, словно оберегая от чего-то, – не отпускаешь?

Перевод с белорусского автора.

Андрей Михайлович Федаренко родился в 1964 году в д. Березовка Мозырского района. Окончил Мозырский политехнический техникум, Минский институт культуры. Автор книг прозы «Гісторыя хваробы», «Смута», «Шчарбаты талер», «Афганская шкатулка», «Вёска», «Сузіральнік» и др. Лауреат литературной премии имени Ивана Мележа. Живет в Минске.

